

Т. Г. Неверова

ВЕРОЯТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА В. В. НАЛИМОВА

Вопрос о тех отношениях, в которых находятся язык и сознание, относится к разряду широко и разнопланово разработанных мировой философской мыслью. Весьма сложно найти в истории философии концепцию мыслителя, в которой бы хоть отчасти не затрагивались моменты, связанные с проблемой языка. Сегодня мы можем говорить о множестве подходов к языку и множестве его моделей. Великолепно знаком со всеми ними был и наш отечественный мыслитель В. В. Налимов, расцвет творчества которого приходится на вторую половину XX в. В работах разных лет он, верный своему особенному, детальному и объемлющему разные пласты знания подходу к любому вопросу, предлагает нам наполовину естественнонаучное, наполовину гуманитарно-философское решение этой проблемы.

В работе «Вероятностная модель языка» (1979) Налимов ставит задачу подойти к рассмотрению интеллектуальных возможностей человека с помощью раскрытия сущностных моментов языковых систем. Свое исследование философ проводит в период, когда проблема языка приобретает большую популярность как у советских ученых, так и за границей. Но мыслитель решает создать свою модель языка. Он говорит: «Нужна модель языка, отражающая как его многогранность и алогичность, так и его логическую структуру. Эти две, казалось бы, диаметрально противоположные тенденции, соединяясь в каком-то малопонятном взаимодействии, собственно и создают наш обыденный язык во всем его многообразии. И вряд ли можно достигнуть успеха, изучая эти две тенденции отдельно и независимо одна от другой»¹.

При всей сложности и многогранности представлений Налимова о языке можно сказать, что главным определением этого понятия для него остается функциональное: язык –

¹ *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1979. С. 68.

это прежде всего средство общения (передачи информации) и самовыражения. Говоря о еще одной немаловажной функции языка – возможности свертки и обратного разворачивания, или, по-другому, воспроизведения, информации, Налимов делает предположение о том, что, возможно, и сам язык есть свернутый вариант громадных пластов человеческого мышления.

Налимов придерживается того мнения, что, несмотря на наши разговоры о языке, наличие различных теорий, дать точное определение этому явлению, а также определить законченный ряд необходимых атрибутов для его опознавания, мы не можем. Например, такие элементы, как алфавит и грамматика, могут и не наличествовать в структуре какого-нибудь языка, но от этого он не теряет своего значения. Но иначе дело обстоит с такой характеристикой, как иерархия. Иерархическая структура языка призвана упорядочить его, внести единство и последовательность в его разношерстные составляющие. Образные системы отображения информации, не поддающиеся иерархии, как, например, предметная живопись, не могут быть причислены к разряду языков, считает исследователь.

Мыслитель выделяет такое понятие, как метаязык, обозначающее тот же самый язык, но только когда он используется уже для анализа языка-объекта и его правомерности. Налимов указывает здесь на трудности, возникающие в связи с тем, что мы пытаемся выразить многие суждения, для которых нужен метаязык на «обычном» языке. В повседневных знаковых системах обыденной речи мы сталкиваемся с непростой ситуацией, когда смешиваются высказывания на метаязыке и высказывания на языке-объекте, ведь они имеют общую знаковую систему и логические средства. Так возникают семантические парадоксы. Указывая на необходимость удаления этих парадоксов, и прежде всего из языка науки, Налимов пишет: «...семантические парадоксы всегда беспокоили только логиков, остальным людям они не очень мешали. Логика долго не могла заметить различия в суждениях разного уровня. Здесь опять проявляются два отношения к языку: жесткое и мягкое. Только при взгляде на язык как на жесткую структуру выявляются семантиче-

ские парадоксы, и надо строить жесткую систему их преодоления»¹.

Среди исследований Налимова таких аспектов проблемы языка, как его размеренность и нелинейность, специфика научного языка, семантическая шкала языков, наибольшую, на наш взгляд, ценность представляют его мысли о диалектике непрерывности и дискретности в языке.

Начинает исследователь с того, что делает выкладки из теоремы Бейеса и применяет ее при осмыслении проблемы языка, утверждая невозможность охватить и малую часть смыслов одного из понятий, имеющихся в распоряжении человека, владеющего каким-либо из языков. Мы не можем утверждать, говорит он, что нельзя создать такое новое суждение, которое по-новому раскрывало бы содержание старого понятия, наделяло бы его новыми смыслами. К тому же, появление в языке новых слов позволяет наделять другими смыслами старые понятия и тем самым расширять их содержание. Таким образом, мы можем говорить о бесконечной делимости смыслов слов. Это обстоятельство является первым доводом в пользу непрерывности, постоянства движения языка. Несмотря на это, язык остается дискретным средством передачи информации, хоть и не точным.

Налимов развивает свою мысль до следующего положения. Он говорит о сотрудничестве континуального (внелогического, основанного на случайности) мышления человека с дискретным языком, вследствие которого мы можем перевести неподдающиеся правилам логического следования смыслы нашего сознания в доступный и иерархизированный язык. Творческие озарения человека, например, это в большинстве случаев выход за всевозможные правила мышления. Только в сфере необъяснимого, удивительного, ранее неизвестного мы можем черпать свежие силы своих знаний о мире. Однако тут встает вопрос об осмыслении этих новых впечатлений, порой абсурдных, если считаться со здравым смыслом. Осмысление же это всегда идет на логическом уровне, и для того, чтобы его осуществлять, рефлексивное сознание человека должно быть на это способно. Вот почему ему необходимо уже иметь ряд логических построений, являющих собой некую базу, на которую можно

¹ Там же. С. 58.

опираться в дальнейших рассуждениях. Но даже и само логическое следование в некоторых случаях должно явиться в определенном смысле озарением, считает Налимов.

В этом моменте, по нашему мнению, отразилась его склонность к философии случайности, приверженность которой чувствуется в ряде работ. Во всем многообразии научных интересов Налимова обнаруживается единый стержень – вероятностное описание внешнего мира, минующее жесткий детерминизм. Можно утверждать, что идея случайности имела для него познавательный смысл.

Налимов огромное место уделяет рассмотрению творческого процесса в научном исследовании. По его мнению, в научном творчестве идет постоянный обмен между дискретной и континуальной составляющими нашего мышления. В результате этого обмена появляются два уровня понимания. Первый характеризуется пониманием слов, выражающих мысль, как только знаков, обозначаемое которых нам известно. Это начальный уровень понимания. Второй уровень более глубокий. Это более свободное оперирование данными, умение при помощи понятий понимать суть проблемы и задавать корректные вопросы. Такой уровень понимания присущ континуальной способности мышления.

К способности мыслить континуально Налимов относит и медитативные практики. «Техника медитации – умение управлять континуальными потоками сознания без обращения к языковым средствам. В результате управления свободно текущим, логически не упорядоченным потокам мысли придается четкая направленность»¹.

К измененным состояниям сознания философ относится с особым интересом. В них он видит выход на нетрадиционное решение проблем, расширение вариативности в целом. Кроме медитации, исследователь обращает свое внимание к гипнотическому состоянию сознания, а также к состоянию сна. Здесь, помимо выражения своего согласия с теорией Фрейда, он подчеркивает неразрывную связь и преемственность между двумя состояниями – сна и бодрствования.

Затрагивая в связи с построением вероятностной модели языка особенности медитации, гипноза и сна, Налимов утверждает, что непрерывность, свободная текучесть изме-

¹ Там же. С. 227.

ненных состояний сознания противостоят дискретности языка: «...глубинное состояние сознания обладает какой-то иной существенной непрерывностью, которая не может быть редуцирована к дискретности языка... то глубинное состояние сознания, которое принято называть сейчас измененным состоянием сознания, присутствует в нашей повседневной жизни, принимая непосредственное участие в нашем речевом поведении. Высказывания, сделанные на дискретном языке, мы все время интерпретируем на континуальном уровне»¹.

Необходимо отметить, что наброски философских идей и положений, развитых в работе «Вероятностная модель языка», можно встретить в более ранних трудах Налимова. В «Этюдах по истории кибернетики» (1973) вероятностной структуре языка уделено достаточно много внимания. Здесь ученый строит своеобразную шкалу языков. На одном конце этой шкалы находятся строго формализованные языки – языки формализованных исчислений и языки программирования, на другом конце – языки с чисто вероятностной структурой, такие как язык абстрактной живописи. Наш обыкновенный язык, который мы употребляем в повседневной речи, занимает промежуточное место. Появление языка абстрактной живописи Налимов связывает с многообразием тех новых представлений, которые породили и концепцию кибернетики – мировоззрение с ярко выраженной вероятностной направленностью.

Язык древнеиндийской философии Налимов отнес к мягким языкам. В эту категорию вошел и язык абстрактной живописи. Полиморфизм в древнеиндийских текстах выражен более ярко, чем в современном языке европейских культур. Это еще раз говорит о том, что различия в языках культур проявляются в не меньшей степени, чем различия в национальных языках.

Важно указать на то, что в другой работе, посвященной сознанию, «Непрерывность против дискретности в языке и мышлении» (1978), Налимов также ставит вопрос о дискретности и непрерывности сознания. Он пишет, что по своей природе сознание непрерывно. «В текстах, стоящих у истоков нашей культуры, есть высказывания, снимающие

¹ Там же. С. 254.

дуалистические противопоставления: “и любите врагов своих”... В западной теологии дискретность основных представлений утвердилась прочно лишь после того, как Фома Аквинский сплавил христианство с миропониманием Платона»¹.

Несмотря на то, что дискретность языка оказывает такое огромное значение на процесс мышления, не меньшим влиянием обладает глубинное сознание человека. Такое глубинное сознание не есть проявление чего-то экстраординарного или аномального. Оно, несомненно, присутствует в нас всегда, оставаясь только закрытым логико-структурированной формой рефлексивного мышления. Глубинное сознание всегда стоит за обыденным – дискретно организованным сознанием. Мы обращаемся к нему при интерпретации смысла слов, в повседневном поведении и т. п.

Обладая вышеперечисленными свойствами, сознание человека может создавать субстанциальные поля. Субстанциальными полями сознания Налимов называет явление наложения сознания одного человека на сознание другого. Это можно проследить, поясняет философ, на примере гипноза, когда люди достигают полного мысленного слияния друг с другом. Об этом же говорил и К. Г. Юнг, развивая теорию архетипов.

Кроме всего вышеперечисленного, в «Вероятностной модели языка» дается и обширное изложение разных типов языков, которые успешно сосуществуют в современном мире. В этой работе ученого мы находим смелый и уверенный подход к проблеме языка. Налимов увлекся идеей рассмотреть с единых позиций все многообразие языков: обычный язык, язык науки (в частности, язык математики), язык абстрактной живописи, язык биологического кода, языки древних культур. Саму науку Налимов в контексте данного исследования предлагает увидеть как язык, с помощью которого человечество имеет возможность выражать свои представления о мире. Он подчеркивает, например, что математика – это универсальный язык всего многообразия отраслей знания. Мыслитель рассматривает язык как инструмент осознанной и неосознанной мысли человека. Наряду с дискретностью, строгостью, присущей языку, с его иерар-

¹ *Налимов В.В.* Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. – Тбилиси, 1978.

хией, присущей ему как знаковой системе, мы видим, что язык постоянно находится в процессе развития и обновления. За счет чего это происходит? Налимов пытается ответить и на этот вопрос. Он говорит о континуальных потоках внелогического мышления, которые основаны на случайности. Здесь мы имеем дело с измененными состояниями сознания, которые являют собой проникновение к непрерывным движениям нашего сознания.

Таким образом, делая главными объектами исследования язык, мышление человека и взаимоотношения между ними, Налимов противопоставляет дискретность языка непрерывности сознания. Он строит вероятностную модель языка, включающую как логическую структуру языка, так и его способность к взаимодействию с глубинным сознанием и алогичным мышлением.